Методологические аспекты исследования институтов развития на Дальнем Востоке России

УДК (303.01)330.341.2(571.6)

doi: dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2018-2/41-56

В статье приведён обзор методологических подходов, которые могут быть применены к изучению институтов развития на Дальнем Востоке России. Выделены экономический, географический, юридический и трансграничный подходы. Определена целесообразность использования различных теоретических посылок для анализа дальневосточных институтов развития. Автор придерживается интегративного подхода, основанного на неоинституционализме и учитывающего факторы трансграничного контекста функционирования институтов

*институты
развития,
Дальний Восток,
новый
институциональный
подход,
border studies,
регионы*

Институты развития в России появились более двух десятков лет назад, однако отечественные исследования феномена создают несколько фрагментарную картину, недостаточно объясняя их функционирование во взаимосвязи с другими элементами рыночной, политической, социальной и правовой систем. И, что важно, не связывая характер институтов развития с общей, системной спецификой региона, где они реализуются, его внешней и внутренней средой. Само понятие институтов развития в России сформировано органами государственной власти как некая декларация о намерениях. Практическое употребление категории закреплено её упоминанием в нормативно-правовых актах [29] и официальной государственной риторике, но комплексного теоретического осмысления со стороны научного сообщества не происходит.

Необходимо отметить, что за последнее десятилетие отечественная наука развернула обширный институциональный дискурс, однако до сих пор не пришла к согласию в понимании институтов в целом, не говоря уже о более частных вопросах, в том числе изучении институтов развития. Исследования последних осложняются тем, что продолжительность «жизненного цикла» российских организаций, которые называют институтами развития, часто неопределённый характер их деятельности и нестабильный правовой статус не позволяют однозначно судить о сущности феномена. Практика показывает, что недостаточно просто создать правовую норму, закрепляющую тот или иной институт. В нашем понимании институт есть не просто общесоциальная, но и культурная, и когнитивная практика, и такой подход к пониманию категории выводит её из чисто экономической или правовой юрисдикции и делает объектом междисциплинарного научного интереса.

Действительно, на текущий момент господствующим отечественным подходом в исследовании институтов развития стал экономический подход. [12, 15, 17, 32]. Основной мето-

Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ 18-011-00032 «Институты развития как инструмент управления трансграничными отношениями российского Дальнего Востока». 2018 г.

Для цитирования:
Лёвущкина А. О. Методологические аспекты исследования институтов развития на Дальнем Востоке России // Известия Восточного института. 2018. № 2. С. 41–56. doi: dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2018-2/41-56

логией изучения в его рамках стал возникший в США «новейший институциональный подход», в ключе которого были разработаны теория экономического развития и теория государства Д. Норта [27, 28], а также теория общественного выбора Г. Таллока [62], М. Олсона [30] и Дж. М. Бьюкенена [1]. Из более поздних исследований это работы Д. Асемоглу, Ф. Зилюботти [47, 48] и др. Идею снижения институциональных транзакционных издержек, о которых упоминал Д. Норт, с целью ускорения экономического роста развили сторонники «государства развития» П. Эванс [53, 54] и М. Кастельс [10].

А. Грейф обратил внимание на системную природу институтов, их эндогенно-экзогенный и интернально-экстернальный характер [5]. В числе элементов института-системы: правила, организации, убеждения и интернализированные нормы, а также предполагаемая регулярность поведения. Он предложил комплексный подход к изучению институтов, который включает рассмотрение мотивации, побуждающей людей к соблюдению тех или иных правил, включённых в институциональный комплекс, как проводника между средой и поведением индивидов.

Немаловажным моментом в экономическом институциональном анализе стало определение роли бюрократии в формировании институтов. В этом вопросе Г. Таллок, М. Олсон и Дж. М. Бьюкенен придерживаются мнения, что бюрократия преследует личные и групповые интересы, занимая некую «хищническую» позицию в государстве. П. Эванс и М. Кастельс, напротив, акцентируют внимание на эффективном функционировании бюрократии в «государстве развития». Развивая мысль о бюрократии как агенте развития, отечественные авторы отмечают, что она действует в неразрывной связи с частными предпринимателями и в условиях совершенно конкретной институциональной среды. [17, 35]. К. С. Саблин настаивает на том, что именно институциональная среда, а не степень коррумпированности, предопределяет продуктивность или непродуктивность бюрократического аппарата [35, С. 37].

Менее популярная в российских исследованиях ветвь институционализма – радикальный институционализм, представленный в 1988 г. У. Даггером [51]. Он вернул в институциональный дискурс идеи К. Маркса и поднял вопросы природы государства, гендерных, расовых, классовых проблем и неравенства как такового. Ещё одна заслуга Даггера – проблематизация «фейковости» в современной политике, экономике, журналистике, образовании и других сферах деятельности человека [52]. Под «фейковостью» понимается торжество интерпретации, не связанной с реальностью. В отличие от Д. Норта, который настаивает на необходимости инкрементных, постепенных изменений, У. Даггер считает, что в сложившейся обстановке необходимы радикальные институциональные перемены. Осмысление этой концепции происходит в работах С. Г. Кирдиной-Чэндлер [14]. Отталкиваясь от постулатов К. Маркса, она выделяет государства с У-экономиками, где преобладают институты обмена, и государства с Х-экономиками, где преобладают институты редиистрибуции. Для изучения этих экономик автор предлагает институциональную матрицу, в которой большую роль играет географический фактор. Таким образом, С. Г. Кирдина-Чэндлер объединяет два взгляда на институты: экономический и географический [12].

Региональный аспект исследования институтов в российских экономических исследованиях представлен в работах О. С. Сухарева, А. И. Татаркина и С. Н. Котляровой, О. А. Старцевой и Н. Н. Аввакумовой и др. [39, 41, 42]. Приоритетной задачей региональной политики авторы называют формирование благоприятной институциональной среды. Основным же условием создания институтов являются возможности для получения прибыли, которые не могут быть получены в существующей институциональной среде. Отдельно подчёркивается важность чёткого разграничения полномочий между федеральным и региональным уровнями государственной власти, а также передачи оптимального объёма полномочий органам местного самоуправления. Эти полномочия должны быть обеспечены адекватными финансовыми возможностями и механизмами [39, с. 157–158].

Также экономисты предлагают различные способы оценки институтов развития. Значимую роль в ней играет учёт активности субъектов инновационной деятельности и системности этой деятельности. А. И. Татаркин и С. Н. Котлярова используют для оценки следующие показатели: системность инновационного законодательства в регионе; развитие кластеров; проводимые на территории региона инновационные мероприятия и выставки; присутствие и функционирование региональных корпораций развития; наличие на территории региона крупного вуза, входящего в ведущие рейтинги образовательных учреждений; вхождение субъектов РФ в состав «Ассоциации инновационных регионов России»; участие региона в технологических платформах [42, с. 13]. Отдельно выделяются три блока показателей эффективности институтов развития: а) интенсивность внедрения инноваций в производстве (уровень патентной активности, уровень инновационной активности промышленных предприятий и доля инновационной продукции в общем объёме промышленной продукции); б) интенсивность внедрения инноваций в обществе (уровень миграции населения); в) улучшение основных социально-экономических показателей развития территории (динамика инвестиций, ВРП и объём производства) [42, с. 16].

Второй подход к исследованию институтов – географический – представлен в работах по регионоведческой тематике, в области пространственной экономики и экономической географии. В начале 2000-х географическая гипотеза, отдельные положения которой можно встретить ещё в работах Д. Норта, стала темой полемики между Д. Родриком и Дж. Саксом. Первый отстаивал приоритет институтов над географическими факторами, а второй – напротив, утверждал, что именно природные условия детерминируют характер институтов [57, 58, 59]. Видные современные институционалисты такие, как Д. Асемоглу, Дж. Робинсон и др., утверждают, что география и природные условия являются важными факторами формирования и развития институтов [47, 60].

Российские учёные также обращаются к данной гипотезе и развивают её. Так, С. Г. Кирдина-Чэндлер, А. В. Кузнецова и О. В. Сенько настаивают, что определяющим фактором в формировании институтов является именно климат, а не ресурсообеспеченность, разветвлённость водных артерий, выход к морям или характер освоённости территории [13]. Это утверждение подкрепляется статистическими

выводами и аргументируется концепцией path dependence (зависимости от предшествующего развития). По мнению авторов, институты, сформировавшиеся в период доиндустриального развития государств, когда климат имел решающее значение для развития сельского хозяйства, определяют характер и функционирование последующих институтов.

Региональный аспект в исследовании институтов, с точки зрения пространственной экономики, затронул Д. П. Фролов [43]. Он указывает на то, что институты «всегда пространственно укоренены и имеют территориальную специфику», они действуют в комбинации с географическими и другими факторами. В случае «трансплантации» из одной среды в другую институты адаптируются к средовым изменениям, одновременно иницируя их. Пространственную укоренённость институтов Д. П. Фролов связывает с сообществами как субъектами институциональных изменений. По мысли автора, любое сообщество эволюционирует в границах определённой территории, создавая специфические нормы, правила, рутины и традиции её хозяйственного освоения и использования. [43, с. 19] Особая роль при этом отводится региональным институтам развития, которые должны быть включены в соответствующие стратегии развития как их неотъемлемая часть.

Л. Б. Вардомский, признавая значимую роль институтов развития в формировании регионального пространства, настаивает на создании единой стратегии развития пространства России. Это необходимо, поскольку «рыночное развитие пространства порождает большие социальные проблемы, а административное регулирование его развития – ограничивает экономический рост» [2]. Важно достичь баланса между ресурсами, идущими на модернизацию экономики и на освоение новых территорий, чтобы решение одних пространственных проблем не порождало новых в виде социально-экономического запустения.

Несомненный интерес представляет исследование М. Портера, который провёл анализ конкурентоспособности российской экономики по поручению Центра стратегических разработок в 2006 г. В отчёте по итогам исследования автор отмечает деструктивную роль излишней централизации и призывает уделять больше внимания региональному развитию, которому на данный момент препятствует ряд обстоятельств. К таким обстоятельствам М. Портер относит неэффективность и противоречивость нормативного регулирования, слабость региональных институтов, а также недостаточную укоренённость в сознании индивидов принципа неизбежности частной собственности и, напротив, чрезмерные ожидания в адрес правительства [31, с. 41–45].

В целом представители «географической гипотезы» сходятся в понимании гетерогенности социально-экономического пространства и придерживаются холистского подхода в изучении региональных институтов, отмечая при этом важность нормативного и политического факторов.

В рамках данного направления сегодня ведётся активная работа по изучению российского Дальнего Востока, в том числе региональных институтов. П. А. Минакир обращает внимание на такие черты российского экономического пространства, как фрагментирован-

ность, поляризованная централизация и блокирование механизмов экономической и социальной пульсации. Причина устойчивости этих характеристик – преувеличение роли институциональных новаций в пространстве. По мнению учёного, субъектам экономической политики недостаёт понимания фундаментальных констант экономического пространства. [22, с. 235–236] Тем не менее, несмотря на очевидные трудности, именно периферийные регионы являются перспективными в плане формирования зон концентрированной экономической деятельности. П. А. Минакир скептически настроен относительно институтов развития, внедряемых на Дальнем Востоке, и считает, что без структурной перестройки российской экономики ожидаемого эффекта не будет [23, 24].

Опыт институционального регулирования динамики социально-экономического пространства Дальнего Востока также осмыслен в работах И. И. Меламеда, М. С. Прокопьевой, Д. А. Изотова, А. П. Латкина, Н. И. Стецко [9, 18, 20].

Третий взгляд на институты развития представлен в междисциплинарных исследованиях границ (border studies). Основными проблемами, которые рассматривает данное направление, являются трансграничные отношения и регулирующие их приграничные и трансграничные институты и органы управления, а также весь спектр социальных и иных связей, возникающих в процессе развития трансграничных регионов.

С 1960-х гг. исследования приграничных и трансграничных институтов ведутся в Европе. Несмотря на многолетний опыт европейской интеграции, проблема границ остаётся актуальной. Так, М. Перкманн, изучив опыт трансграничных еврорегионов ЕВРЕГИО (Германия–Нидерланды), Виадрина (Германия–Польша) и «Тироль – Альто-Адидже – Трентино» (Австрия–Италия), показывает, как различные институциональные среды влияют в конечном итоге на экономическую политику и её реализацию [56].

Дж. Андерсен, О. Бандейра, Дж. Соуса и А. Дисдьер, исследовавшие разные виды трансграничных институтов, выяснили, что слабость формальных институтов в трансграничье ведёт к усилению «теневых» институтов и является одним из торговых барьеров, увеличивающих трансакционные издержки и препятствующих развитию торговли и региона в целом [49, 50, 61] Усиление институтов ведёт к получению государством дополнительной прибыли, что выгодно при значительных объёмах трансграничной торговли, однако для слабых государств оно может оказаться слишком дорогим, если объёмы трансграничной торговли невелики.

Развивая тему взаимодействия формальных и неформальных трансграничных институтов, Н. П. Рыжова подчёркивает, что формальные институты становятся чрезвычайно успешными, когда базируются на неформальных. Менее благоприятным является их параллельное функционирование, а конфликт формальных и неформальных институтов ведёт к бурному развитию нелегальной приграничной экономической деятельности [34, с. 76–82].

А. Л. Лукин и С. В. Севастьянов связывают институты прежде всего с процессами регионализации. При этом С. В. Севастьянов отмечает принципиальные различия композиций институциональных структур в Европе и Азии. Сильные европейские институты – ско-

рее аномалия, чем мировая норма, на Востоке же приоритет отдаётся постепенности, неформальности и личным политическим связям. [19, 38].

М. Ю. Шинковский, исследуя Дальний Восток как трансграничный регион, отмечал острую необходимость ликвидации экспортно-импортного дисбаланса, для чего нужно повысить инвестиционную привлекательность региона. А поскольку убедить инвесторов в привлекательности всего Дальнего Востока невозможно, перспективным является создание локальных центров инвестиционной активности. В качестве таких центров учёный ещё в 2004 г. предложил создать зоны с особым экономическим режимом [46, с. 68] Впоследствии они и были созданы, включившись в систему институтов развития.

Дальневосточные трансграничные институты описаны также в историко-сравнительном ключе. Так, С. А. Иванов считает, что бюрократия с обеих сторон границы гиперболизирует потенциал приграничных регионов, чтобы извлечь ренту при формировании трансграничной институциональной структуры, получив для этого дополнительные ресурсы от центрального правительства [7]. Рассматривая институты развития, автор призывает крайне осторожно делать выводы относительно эффективности их функционирования. Он приводит примеры успешных и неуспешных институтов развития, созданных в различных институциональных средах (Индия, Республика Корея, КНР, Ямайка, страны Персидского залива), и отмечает изначальные средовые различия, которые нельзя игнорировать при анализе [8].

Наконец, четвёртый взгляд на институты развития – юридический. Сторонники такого подхода воспринимают институт развития как прямой инструмент государственного вмешательства, который применяется с целью стимулирования регионального или отраслевого развития [3, 37] Следуя данной логике, юридическое направление стыкуется с экономическим, а исследования носят выраженный междисциплинарный характер [10].

Важнейшая проблема правового регулирования институтов развития, по мнению М. И. Куделич, – отсутствие нормативно-правовой идентификации института развития. Как следствие – отсутствие нормативно закреплённых оснований для возникновения и прекращения деятельности институтов развития, критериев их эффективности, ответственности за использование бюджетных средств [16, с. 84].

Также приверженцы институциональных взглядов на нормативное регулирование отмечают опасность «институциональных ловушек», которые заключаются в самовоспроизводстве неэффективных норм по причине их устойчивого восприятия индивидами, и «юридических ловушек», возникающих при упоминании в законе юридического понятия, отображающего некоторое правовое явление, легального регулирования которого не осуществляется [25].

Что касается региональных институтов развития, О. Н. Васильева, исследуя нормативные акты в области их регулирования, упоминает проблемы, присущие институтам развития в целом. Главным образом, это отсутствие нормы-дефиниции, определяющей понятие и сущностное содержание региональных институтов развития. Такая ситуация приводит к неоднозначной трактовке правоприменителями

основных понятий, что может ущемить интересы субъектов, чья деятельность регулируется тем или иным законом [3, с. 81]. Автор предлагает консолидировать разрозненные правовые нормы и создать единый нормативный акт, включающий правила правового регулирования региональных институтов развития, процедуры их финансирования, исчерпывающий перечень оснований для создания и прекращения их деятельности, а также требования к отчётности. А самое важное – определить нормы-дефиниции региональных институтов развития, системы институтов развития и эффективности институтов развития.

Изучение институтов развития в рамках названных направлений – экономического, географического, юридического и *border studies* – ведётся вне единого поля анализа. В то время как приверженцы «географической гипотезы» зачастую базируются на неoinституционализме [12], исследователи трансграничья широко используют иные методологические посылки, например, теории, описывающие деятельность государств в рамках традиции конфликта и рациональной традиции [8]. Юридический подход имеет собственную специфику и синтезируется в основном с экономическим на институциональных началах [10]. При этом в работах учёных прослеживаются одновременно обособленность и некоторая комплементарность. Исходя в основном из единого концептуального основания (большинство авторов в той или иной мере цитируют Д. Норта), исследователи не приходят к общему понятийному аппарату, произвольно расширяя и сужая дефиницию института в целом и института развития в частности, смещая акценты в область нормативной или деятельностной составляющей.

Тем не менее по итогам обзора необходимо определить понятие институтов развития. Как уже было сказано, в научной среде нет согласия по этому вопросу, равно как и относительно определения институтов как таковых. Согласно Д. Норту, институты представляют собой разработанные людьми формальные и неформальные ограничения, а также факторы принуждения, структурирующие их взаимодействие. Институты образуют побудительную систему общества, это некие правила игры, по которым играют игроки-организации [28]. Об этом нередко напоминают, призывая не смешивать институты и организации [8]. Однако не все следуют за Д. Нортом: Р. Нельсон, напротив, считает, что институты – это и есть формальные и неформальные организации [55].

Есть и другие мнения по поводу соотношения институтов и организаций. Например, А. Грейф считает, что организации – это не игроки и не исключительно институты, а фактическое проявление правил и норм. Таким образом, в его понимании, институт – это система правил, убеждений, норм и организаций, которые совместно порождают регулярность социального поведения [5] Важно понимать, что следует из этого определения: нормы и правила, не влияющие на поведение, не являются институтами. Также, исходя из логики А. Грейфа, не является институтом организация, функционирование которой не изменяет структуру трансакций. Кроме того, природа организаций представляется двойственной. С одной стороны, они являются компонентами институтов, а с другой – сами образуют институты. Так, организации изменяют два вида поведения: поведение

членов организации и поведение тех, кто не является членами организации. Ещё один принципиальный момент в функционировании институтов – наличие мотивации следования правилам и нормам, например, в виде вознаграждения или санкции. В случае отсутствия таковой институт слабо регулирует поведение индивидов, а значит, не в полной мере реализует свой потенциал. Именно мотивация побуждает индивидов ранжировать институты в своей внутренней иерархии и выбирать, каким нормам подчиняться, а каким нет.

Используя интегративный подход А. Грейфа, можно резюмировать, что организации, правила и нормы все вместе образуют институциональную систему, в которой организации являются посредником между нормой и поведением индивидов. Д. П. Фролов предложил называть такую систему «институциональной конфигурацией» [43, с. 21]. Одновременно организации можно рассматривать как самостоятельные институты с присущими им внутренними правилами и нормами.

Разграничение институтов и организаций представляется важным в рамках данной работы, поскольку сегодня существует значительный разрыв между теоретическим осмыслением институтов и их практическим исследованием. В практикоориентированных работах нередко происходит смешение и смещение понятий, что приводит к несопоставимости результатов и изолированности оценок, а также не позволяет включить их в общее теоретическое поле анализа.

Говоря о специфике региональных институтов, необходимо понимать, что система мотивации следования тем или иным правилам будет существенно отличаться в различных регионах. Это зависит от таких факторов, как: 1) характеристики игроков, заинтересованных в получении выгод от региональных институтов или их блокирования; 2) качество формальных норм и правил, их согласованность и соответствие реально существующим транзакциям; 3) степень социальной (сегментарной) гетерогенности в регионе; 4) ранжирование в сознании населения существующих формальных и неформальных правил и норм; 5) наличие и характер санкций за нарушение формальных и неформальных правил и норм; 6) наличие и характер вознаграждения за исполнение формальных и неформальных правил и норм; 7) наличие и характер деятельности организаций, опосредующих воздействие правил на индивидов; 8) финансовое, административное, нормативное, организационное и иное обеспечение деятельности этих организаций; 10) контроль за деятельностью организаций и выполнением правил и норм.

Трансграничность региона влияет на конфигурацию упомянутых факторов, начиная с сегментарной гетерогенности населения приграничья и наличия множества разноформатных игроков часто с преобладающим хищническим поведением, заканчивая превалированием неформальных норм над формальными и слабым контролем со стороны центра за периферийными приграничными регионами, равно как и внутренним контролем. Таким образом, институциональная система трансграничья имеет совершенно особые характеристики, отличные от общего институционального мейнстрима.

Переходя к определению институтов развития, прежде всего обратимся к законодательно закреплённой дефиниции, которая, однако, оставляет много вопросов. Согласно определению Министерства

экономического развития РФ, институты развития – это один из инструментов государственной политики, стимулирующий инновационные процессы и развитие инфраструктуры с использованием механизмов государственно-частного партнёрства [6]. Основная их цель – преодоление так называемых «провалов рынка», которые образовались вследствие действия рыночных механизмов и не могут быть нивелированы без применения специальных регулирующих средств. Результатами функционирования институтов развития должны стать устойчивый экономический рост и диверсификация экономики. Зона их дислокации – приоритетные отрасли экономики, где они играют каталитическую роль в привлечении частных инвестиций и создании необходимой для обеспечения функционирования предприятий инфраструктуры.

В научных работах, посвящённых российским институтам развития, их определяют как организации, создаваемые в качестве инструмента экономической политики в её разных проявлениях [4, 45]; специализированные государственные и квазигосударственные корпорации, деятельность которых направлена на преодоление провалов рынка [25]; специализированные организации с государственным участием [40]; элементы институциональной инфраструктуры, поддерживающей генерирование производительных нововведений [36]; совокупность организаций, формальных норм и правил, создаваемых с участием государства и реализующих механизм устойчивого социально-экономического развития территории [33]. Этот короткий перечень дефиниций иллюстрирует концептуальные расхождения в определении институтов развития, особенно в том, что касается разграничения их нормативной и организационной природы.

С точки зрения интегративного подхода, институты развития есть и нормы, и организации, кроме того, их нельзя рассматривать в отрыве от регионального и трансграничного контекста, а также сформировавшихся локальных институциональных систем в зонах непосредственной реализации институтов.

Что касается объяснительных моделей, из данного обзора видна отчётливая диспропорция исследований экономических и иных аспектов деятельности институтов развития. Так, их эффективность оценивается практически исключительно по экономическим показателям: уровню транзакционных издержек, динамике ВРП, внешне-торгового баланса, притока инвестиций и инвестиционного климата и т. д. Однако не совсем ясно, как сепарировать из этой динамики влияние именно институтов развития. Политические, социальные, культурные, правовые аспекты при этом отходят на второй план. Мало внимания уделяется контекстуальному осмыслению институтов развития в трансграничье: интраграницная региональная специфика упоминается с уточнением, что основные проблемы структурны и «унаследованы» от общего макроэкономического контекста.

По причине такой «островковости» изучения проблем институтов развития сложно дать оценку их внедрения и аккомодации в институциональных системах регионов различного типа, в том числе специфических приграничных регионах, к которым относится российский Дальний Восток. В то же время комплексный интегративный подход позволил бы предложить целостную институциональную модель, отвечающую региональной специфике.

Литература

1. Бьюкенен Дж. М. Сочинения. Конституция экономической политики. Расчёт согласия. Границы свободы. Т. 1. – М.: Таурус Альфа, 1997. 560 с.
2. Вардомский Л. Б. О повороте России на Восток: доклад на заседании Круглого стола «Региональная экономика в системе устойчивого развития» [Электронный ресурс] // ИНП РАН. 2017. URL: <https://ecfor.ru/publication/vardomskij-l-b-o-povorote-rossii-na-vostok-prezentatsiya-doklada/> [Дата обращения: 20.03.2018].
3. Васильева О. Н. К вопросу о систематизации нормативных правовых актов, регулирующих деятельность региональных институтов развития // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2017. № 4. С. 79–87.
4. Виленский А. В., Бахтизин А. Р., Валентик О. Н., Бухвальд Е. М. и др. Институты развития как инструмент региональной политики: научный доклад. – М.: Институт экономики РАН, 2015. 45 с.
5. Грейф А. Институты и путь к современной экономике. Уроки средневековой торговли. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. 536 с.
6. Деятельность институтов развития [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства экономического развития Российской Федерации. URL: <http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/instdev/institute/> [Дата обращения: 20.03.2018].
7. Иванов С. А. Воображаемое сотрудничество на российско-китайской границе // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2014. Т. 8. С. 11–18.
8. Иванов С. А. Особые экономические зоны как современный институт развития: истоки и эффективность // Регионалистика. 2015. Т. 2. № 5–6. С. 111–120.
9. Изотов Д. А. Дальний Восток: новации в государственной политике // ЭКО. 2017. № 4. С. 27–44.
10. Казанцев Н. М., Бухвальд Е. М., Бахтизин А. Р. и др. Экономико-правовые институты регулирования регионального развития Российской Федерации: монография. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2013. 468 с.
11. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М.: ГУ-ВШЭ, 2000. 608 с.
12. Кирдина С. Г. Институциональная организация воспроизводственных процессов в X- и Y-экономиках // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). 2016. Том 8. № 4. С. 38–57.
13. Кирдина С. Г., Кузнецова А. В., Сенько О. В. Климат и институциональные матрицы: межстрановой анализ // Социологические исследования. 2015. № 9. С. 3–13.
14. Кирдина-Чэндлер С. Г. Радикальный институционализм и фейковая экономика в XXI веке // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). 2017. Том 9. № 4. С. 6–15.
15. Копнинская С. Н. Совершенствование механизмов регулирования деятельности институтов развития в Российской Федерации: дисс. ... кандидата экон. наук : 08.00.05. – М., 2009. 216 с.
16. Куделич М. И. Совершенствование нормативно-правового регулирования деятельности институтов развития в РФ // Финансовый журнал. 2016. № 2. С. 82–87.
17. Курбатова М. В., Саблин К. С. Институты развития и квазиинституты развития в российской экономике // Terra Economicus. 2012. Том 10. № 3. С. 22–38.
18. Латкин А. П., Стецко Н. И., Территории с особым экономическим статусом: проблемно-адресный подход к обеспечению роста предпринимательской активности // Азимут научных исследований: экономика и управление. Т. 5. № 4 (17). С. 353–357.
19. Лукин А. Л. Интеграционные процессы и институты в Азиатско-Тихоокеанском регионе: политика, экономика, безопасность. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2009. 248 с.
20. Меламед И. И., Прокопьева М. С. Восточная политика России и развитие

- восточных территорий // Региональная экономика: теория и практика. 2013. № 43. С. 17–25.
21. Милькина И. В. Анализ институтов развития в системе поддержки инновационной деятельности в регионах и муниципальных образованиях России // Наука. Инновации. Образование. 2016. № 2. С. 61–84.
22. Минакир П. А., Демьяненко А. Н. Очерки по пространственной экономике. – Хабаровск : ИЭИ ДВО РАН, 2014. 272 с.
23. Минакир П. А., Прокапало О. М. Российский Дальний Восток: экономические фобии и геополитические амбиции // ЭКО. 2017. № 4. С. 5–26.
24. Минакир П. А. Экономика регионов. Дальний Восток. – М.: ЗАО «Издательство «Экономика»», 2006. 848 с.
25. Моряшов Д. О. Моделирование институтов развития в сфере нанотехнологий // Вестник Казанского технологического университета. 2013. Т. 16. № 13. С. 226–228.
26. Нестеров А. В. Юридические ловушки и институциональный подход в юриспруденции: препринт. – М.: НИУ ВШЭ, 2012. 12 с.
27. Норт Д. К. Институты и экономический рост: историческое введение // THESIS. 1993. Т. 1. Вып. 2. С. 69–91.
28. Норт Д. К. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. – М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 180 с.
29. О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 29 декабря 2014 г. № 473-ФЗ // Российская газета. 2014. 31 декабря. С. 23.
30. Олсон М. Логика коллективных действий: общественные товары и теория групп. – М.: ФЭИ, 1995. 174 с.
31. Портер М., Кетелс К., Дельгадо М., Брайден Р. Конкурентоспособность на распутье: направления развития российской экономики [Электронный ресурс] // Электронная библиотека. URL: http://www.sp-ved.narod.ru/MATERS/PORTER_RFstrategy.pdf [Дата обращения: 22.03.2018].
32. Постсоветский институционализм – 2006: власть и бизнес / Под ред. Р. М. Нуреева. – Ростов на-Дону: Наука-Пресс, 2006. 316 с.
33. Пьянкова С. Г. Выбор и формирование институтов развития монопрофильной территории // Социально-экономические процессы. 2013. № 11. С. 97–104.
34. Рыжова Н. П. Роль институтов в международной экономической интеграции // Пространственная экономика. 2013. № 1. С. 72–88.
35. Саблин К. С. Государство развития в разных институциональных условиях // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). 2010. Том 2. № 4. С. 30–39.
36. Саблин К. С. Роль институциональной среды в формировании институтов развития // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). 2012. Том 4. № 2. С. 32–41.
37. Сазонова Е. С. Институты развития как инструмент государственной инвестиционной политики: общая характеристика и особенности правового регулирования // Предпринимательское право. 2013. № 4. С. 51–55.
38. Севастьянов С. В. Институты азиатско-тихоокеанского и восточно-азиатского регионализма: динамика развития, проблемы и интересы участников // Россия и АТР. 2008. № 3. С. 82–94.
39. Старцева О. А., Аввакумова Н. Н. Институциональные предпосылки развития регионов // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 319. С. 157–160.
40. Сидорова Е. Н., Татаркин Д. А. Институты развития как инструмент реализации государственной инвестиционной политики: анализ современного состояния, оценка результативности // Вестник УрФУ. Серия экономика и управление. 2016. Том 15. № 4. С. 506–528.
41. Сухарев О. С. Институты регионального развития: концептуально-практический анализ организационных изменений // Экономический анализ: теория и практика. 2012. № 4. С. 2–12.
42. Татаркин А. И., Котлярова С. Н. Региональные институты развития как

факторы экономического роста // Экономика региона. 2013. № 3. С. 9–18.

43. Фролов Д. П. Имеют ли институты значение для пространственной экономики? // Пространственная экономика. 2015. № 1. С. 14–37.

44. Чирикова А. Исполнительная власть в регионах: правила игры формальные и неформальные // Общественные науки и современность. 2004. № 3. С. 71–81.

45. Шаститко А. Е., Авдашева С. Б., Крючкова П. В. и др. Совершенствование системы институтов развития в Российской Федерации и повышение эффективности их функционирования. – М.: Фонд «Бюро экономического анализа», 2007. 208 с.

46. Шинковский М. Ю. Трансграничное сотрудничество как рычаг развития российского Дальнего Востока // Полис. Политические исследования. 2004. № 5. С. 62–70.

47. Acemoglu D., Robinson J. Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty. – N.-Y.: Crown Publishers, 2012. 571 p.

48. Acemoglu D., Zilibotti F. Productivity Differences // Quarterly Journal of Economics. 2001. 116 (2). Pp. 563–606.

49. Anderson J. E. Economic Integration and the Civilising Commerce Hypothesis // The World Economy. 2004. Vol. 31 (1). Pp. 141–157.

50. Anderson J. E., Bandiera O. Traders, Cops, and Robbers // NBER Working Paper. 2005. No. 8469. 45 p.

51. Dugger W. Radical Institutionalism: Basic Concepts // Review of Radical Political Economics. 1988. 20 (1). Pp. 1–20 [Электронный ресурс] // Sage journals. URL: <http://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/048661348802000101> [Дата обращения: 20.03.2018].

52. Dugger W. The Doleful Dynamics of Competition: Inequality and Fakery in Modernity : report / Forum for Social Economics, 2017 [Электронный ресурс] // Taylor & Francis online. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/07360932.2017.1374196> [Дата обращения: 20.03.2018].

53. Evans P. State Structures,

Government-Business Relations, and Economic Transformation / Business and the State in Developing Countries. – Ithaka: Cornell University Press, 1997. Pp. 63–88.

54. Evans P. The State as Problem and Solution: Predation, Embedded Autonomy, and Structural Change / The Politics of Economic Adjustment: International Constraints, Distributive Conflicts, and the State. – Princeton: Princeton University Press, 1992. Pp. 139–182.

55. Nelson R. R. The Co-Evolution of Technology, Industrial Structure, and Supporting Institutions // Industrial and Corporate Change. 1994. No 3. Pp. 47–63.

56. Perkmann M. Policy entrepreneurship and multilevel governance: a comparative study of European cross-border regions // Environment and Planning C. 2007. Vol. 25. Pp. 861–879.

57. Rodrik D., Subramanian A., Trebbi F. Institutions Rule: The Primacy of Institutions Over Geography and Integration in Economic Development // Journal of Economic Growth. 2004. Vol. 2. Issue 9. Pp. 131–165.

58. Sachs J. D. Institutions Don't Rule: Direct Effects of Geography on Per Capita Income // NBER Working Paper. No. 9490. 2003. 12 p.

59. Sachs J. D. Institutions Matter, but Not for Everything: The Role of Geography and Resource Endowments in Development Shouldn't be Underestimated // Finance and Development. 2003. Vol. 40. No. 2. Pp. 38–41.

60. Sokoloff K., Engerman S. Institutions, Factor Endowments, and Paths of Development in the New World // Journal of Economic Perspectives. 2000. Vol. 14. No 3. Pp. 217–232.

61. Sousa J., Disdier A.-C. Is the Legal Framework Quality as a Trade Barrier. Evidence from Transition Countries: Hungarian, Romanian and Slovene Examples. HWWA. Discussion paper, 201. – Hamburg: Hamburg Institute of International Economics, 2002. 17 p.

62. Tullok G. The rent-seeking society. – Carmel : Liberty Fund Inc., 2005. 342 p.

Anastasiya O. LYOVUSHKINA

Senior Associate Professor, Department of Political Sciences, Oriental Institute – School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia)
E-mail: lyovajr@mail.ru

The Methodology of the Russian Far Eastern Development Institutions Studies

UDC (303.01)330.341.2(571.6) doi: dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2018-2/41-56

The article reviews different methodological approaches, which might be applied to the research on Russian Far Eastern development institutions. Considering views from the new institutional theory (North, Buchanan) to the latest Russian papers (Ryzhova, Ivanov etc.) the four approaches are distinguished, namely economical, geographical, legal and trans-border. The author explores each one and shows how exactly they contribute to the subject matter analysis. The major conclusion to this article is that the most sufficient way to studying the Far Eastern development institutions is the comprehensive integrative approach. Not only it is based on the new institutional theory but also it should deal with all the regional spatial specificities, local community peculiarities and trans-border environmental factors, which influence development institutions functioning significantly.

*development institutions,
Far East,
new institutional theory,
border studies,
regions*

For citation: Lyovushkina A. O. The Methodology of the Russian Far Eastern development institutions studies // Oriental Institute Journal. 2018. № 2. P. 41–56. doi: dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2018-2/41-56

References

1. B'yukenen Dzh. M. Sochineniya. Konstutitsiya ehkonomicheskoy politiki. Raschyot soglasiya. Granitsy svobody. T. 1. – M.: Taurus Alfa, 1997. 560 s.
2. Vardomskij L. B. O povorote Rossii na Vostok: doklad na zasedanii Kruglogo stola «Regional'naya ehkonomika v sisteme ustojchivogo razvitiya» [EHlektronnyj resurs] // INP RAN. 2017. URL: <https://ecfor.ru/publication/vardomskij-l-b-o-povorote-rossii-na-vostok-prezentatsiya-doklada/> [Data obrashheniya: 20.03.2018].
3. Vasil'eva O. N. K voprosu o sistematzatsii normativnykh pravovykh aktov, reguliruyushhikh deyatel'nost' regional'nykh institutov razvitiya // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Yurisprudentsiya. 2017. № 4. S. 79–87.
4. Vilenskij A. V., Bakhtizin A. R., Valentik O. N., Bukhval'd E. M. i dr. Instituty razvitiya kak instrument regional'noj politiki: nauchnyj doklad. – M.: Institut ehkonomiki RAN, 2015. 45 s.
5. Grejf A. Instituty i put' k sovremennoj ehkonomike. Uroki srednevekovoj trgovli. – M.: Izd. dom Vysshej shkoly ehkonomiki, 2013. 536 s.
6. Deyatel'nost' institutov razvitiya [EHlektronnyj resurs] // Ofitsial'nyj sajt Ministerstva ehkonomicheskogo razvitiya Rossijskoj Federatsii. URL: <http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/instdev/institute/> [Data obrashheniya: 20.03.2018].
7. Ivanov S. A. Voobrazhaemoe sotrudnichestvo na rossijsko-kitajskoj granitse // Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie. 2014. T. 8. S. 11–18.
8. Ivanov S. A. Osobyeh ehkonomicheskikh zony kak sovremennyy institut razvitiya: istoki i ehffektivnost' // Regionalistika. 2015. T. 2. № 5–6. C. 111–120.

9. Izotov D. A. Dal'nij Vostok: novatsii v gosudarstvennoj politike // EHKO. 2017. № 4. S. 27–44.
10. Kazantsev N. M., Bukhval'd E. M., Bakhtizin A. R. i dr. EHkonomiko-pravovye instituty regulirovaniya regional'nogo razvitiya Rossijskoj Federatsii: monografiya. – M.: Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravedeniya pri Pravitel'stve RF, 2013. 468 c.
11. Kastel's M. Informatsionnaya ehpkha: ehkonomika, obshhestvo i kul'tura. – M.: GU-VSHEH, 2000. 608 c.
12. Kirdina S. G. Institutsional'naya organizatsiya vosproizvodstvennykh protsessov v KH- i Y-ehkonomikakh // Journal of Institutional Studies (ZHurnal institutsional'nykh issledovanij). 2016. Tom 8. № 4. S. 38–57.
13. Kirdina S. G., Kuznetsova A. V., Sen'ko O. V. Klimat i institutsional'nye matritsy: mezhranovoj analiz // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2015. № 9. S. 3–13.
14. Kirdina-CHehndler S. G. Radikal'nyj institutsionalizm i fejkovaya ehkonomika v XXI veke // Journal of Institutional Studies (ZHurnal institutsional'nykh issledovanij). 2017. Tom 9. № 4. S. 6–15.
15. Kopninskaya S. N. Sovershenstvovanie mekhanizmov regulirovaniya deyatel'nosti institutov razvitiya v Rossijskoj Federatsii: diss. ... kandidata ehkon. nauk : 08.00.05. – M., 2009. 216 s.
16. Kudelich M. I. Sovershenstvovanie normativno-pravovogo regulirovaniya deyatel'nosti institutov razvitiya v RF // Finansovyj zhurnal. 2016. № 2. S. 82–87.
17. Kurbatova M. V., Sablin K. S. Instituty razvitiya i kvaziinstituty razvitiya v rossijskoj ehkonomike // Terra Economicus. 2012. Tom 10. № 3. S. 22–38.
18. Latkin A. P., Stetsko N. I. Territorii s osobym ehkonomicheskim statusom: problemno-adresnyj podkhod k obespecheniyu rosta predprinimatel'skoj aktivnosti // Azimut nauchnykh issledovanij: ehkonomika i upravlenie. T. 5. № 4 (17). S. 353–357.
19. Lukin A. L. Integratsionnye protsessy i instituty v Aziatsko-Tikhookeanskom regione: politika, ehkonomika, bezopasnost'. – Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. un-ta, 2009. 248 s.
20. Melamed I. I., Prokop'eva M. S. Vostochnaya politika Rossii i razvitie vostochnykh territorij // Regional'naya ehkonomika: teoriya i praktika. 2013. № 43. S. 17–25.
21. Mil'kina I. V. Analiz institutov razvitiya v sisteme podderzhki innovatsionnoj deyatel'nosti v regionakh i munitsipal'nykh obrazovaniyakh Rossii // Nauka. Innovatsii. Obrazovanie. 2016. № 2. S. 61–84.
22. Minakir P. A., Dem'yanenko A. N. Ocherki po prostranstvennoj ehkonomike. – Khabarovsk: IEHI DVO RAN, 2014. 272 s.
23. Minakir P. A., Prokapalo O. M. Rossijskij Dal'nij Vostok: ehkonomicheskie fobii i geopoliticheskie ambitsii // EHKO. 2017. № 4. S. 5–26.
24. Minakir P. A. EHkonomika regionov. Dal'nij Vostok. – M.: ZAO «Izdatel'stvo «EHkonomika»», 2006. 848 s.
25. Moryashov D. O. Modelirovanie institutov razvitiya v sfere nanotekhnologij // Vestnik Kazanskogo tekhnologicheskogo universiteta. 2013. T. 16. № 13. S. 226–228.
26. Nesterov A. V. Yuridicheskie lovushki i institutsional'nyj podkhod v yurisprudentsii: preprint. – M.: NIU VSHEH, 2012. 12 s.
27. Nort D. K. Instituty i ehkonomicheskij rost: istoricheskoe vvedenie // THESIS. 1993. T. 1. Vyp. 2. S. 69–91.
28. Nort D. K. Instituty, institutsional'nye izmeneniya i funktsionirovanie ehkonomiki. – M.: Fond ehkonomicheskoy knigi «Nachala», 1997. 180 s.
29. O territoriyakh operezhayushhego sotsial'no-ehkonomicheskogo razvitiya v Rossijskoj Federatsii: feder. zakon Ros. Federatsii ot 29 dekabrya 2014 g. № 473-FZ // Rossijskaya gazeta. 2014. 31 dekabrya. S. 23.
30. Olson M. Logika kollektivnykh dejstvij: obshhestvennye tovary i teoriya grupp. – M.: FEHI, 1995. 174 s.
31. Porter M., Ketels K., Del'gado M., Brajden R. Konkurentosposobnost' na rasput'e: napravleniya razvitiya rossijskoj ehkonomiki [EHlektronnyj resurs] // EHlektronnaya biblioteka. URL: http://www.sp-ved.narod.ru/MATERS/PORTER_RFstrategy.pdf [Data obrashheniya: 22.03.2018].
32. Postsovetiskij institutsionalizm – 2006: vlast' i biznes / Pod red. R. M. Nureeva. – Rostov na-Donu: Nauka-Press, 2006. 316 s.

33. P'yankova S. G. Vybor i formirovanie institutov razvitiya monoprofil'noj territorii // Sotsial'no-ehkonomicheskie protsessy. 2013. № 11. S. 97–104.
34. Ryzhova N. P. Rol' institutov v mezhdunarodnoj ehkonomicheskoy integratsii // Prostranstvennaya ehkonomika. 2013. № 1. S. 72–88.
35. Sablin K. S. Gosudarstvo razvitiya v raznykh institutsional'nykh usloviyakh // Journal of Institutional Studies (ZHurnal institutsional'nykh issledovaniy). 2010. Tom 2. № 4. S. 30–39.
36. Sablin K. S. Rol' institutsional'noj sredy v formirovanii institutov razvitiya // Journal of Institutional Studies (ZHurnal institutsional'nykh issledovaniy). 2012. Tom 4. № 2. S. 32–41.
37. Sazonova E. S. Instituty razvitiya kak instrument gosudarstvennoj investitsionnoj politiki: obshhaya kharakteristika i osobennosti pravovogo regulirovaniya // Predprinimatel'skoe pravo. 2013. № 4. S. 51–55.
38. Sevast'yanov S. V. Instituty aziatsko-tikhookeanskogo i vostochno-aziatskogo regionalizma: dinamika razvitiya, problemy i interesy uchastnikov // Rossiya i ATR. 2008. № 3. S. 82–94.
39. Startseva O. A., Avvakumova N. N. Institutsional'nye predposylki razvitiya regionov // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2009. № 319. S. 157–160.
40. Sidorova E. N., Tatarkin D. A. Instituty razvitiya kak instrument realizatsii gosudarstvennoj investitsionnoj politiki: analiz sovremennogo sostoyaniya, otsenka rezul'tativnosti // Vestnik UrFU. Seriya ehkonomika i upravlenie. 2016. Tom 15. № 4. S. 506–528.
41. Sukharev O. S. Instituty regional'nogo razvitiya: kontseptual'no-prakticheskij analiz organizatsionnykh izmenenij // EHkonomicheskij analiz: teoriya i praktika. 2012. № 4. S. 2–12.
42. Tatarkin A. I., Kotlyarova S. N. Regional'nye instituty razvitiya kak faktory ehkonomicheskogo rosta // EHkonomika regiona. 2013. № 3. S. 9–18.
43. Frolov D. P. Imeyut li instituty znachenie dlya prostranstvennoj ehkonomiki? // Prostranstvennaya ehkonomika. 2015. № 1. S. 14–37.
44. CHirikova A. Ispolnitel'naya vlast' v regionakh: pravila igry formal'nye i neformal'nye // Obshhestvennye nauki i sovremennost'. 2004. № 3. S. 71–81.
45. SHastitko A. E., Avdasheva S. B., Kryuchkova P. V. i dr. Sovershenstvovanie sistemy institutov razvitiya v Rossijskoy Federatsii i povyshenie ehffektivnosti ikh funktsionirovaniya. – M.: Fond «Byuro ehkonomicheskogo analiza», 2007. 208 s.
46. SHinkovskij M. Yu. Transgranichnoe sotrudnichestvo kak ryuchag razvitiya rossijskogo Dal'nego Vostoka // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2004. № 5. S. 62–70.
47. Acemoglu D., Robinson J. Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty. – N.-Y.: Crown Publishers, 2012. 571 p.
48. Acemoglu D., Zilibotti F. Productivity Differences // Quarterly Journal of Economics. 2001. 116 (2). Pp. 563–606.
49. Anderson J. E. Economic Integration and the Civilising Commerce Hypothesis // The World Economy. 2004. Vol. 31 (1). Pp. 141–157.
50. Anderson J. E., Bandiera O. Traders, Cops, and Robbers // NBER Working Paper. 2005. No. 8469. 45 p.
51. Dugger W. Radical Institutionalism: Basic Concepts // Review of Radical Political Economics. 1988. 20 (1). Pp. 1–20 [EHlektronnyj resurs] // Sage journals. URL: <http://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/048661348802000101> [Data obrashheniya: 20.03.2018].
52. Dugger W. The Doleful Dynamics of Competition: Inequality and Fakery in Modernity : report / Forum for Social Economics, 2017 [EHlektronnyj resurs] // Taylor & Francis online. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/07360932.2017.1374196> [Data obrashheniya: 20.03.2018].
53. Evans P. State Structures, Government-Business Relations, and Economic Transformation / Business and the State in Developing Countries. – Ithaka: Cornell University Press, 1997. Pp. 63–88.
54. Evans P. The State as Problem and Solution: Predation, Embedded Autonomy,

- and Structural Change / The Politics of Economic Adjustment: International Constraints, Distributive Conflicts, and the State. – Princeton: Princeton University Press, 1992. Pp. 139–182.
55. Nelson R. R. The Co-Evolution of Technology, Industrial Structure, and Supporting Institutions // *Industrial and Corporate Change*. 1994. No 3. Pp. 47–63.
56. Perkmann M. Policy entrepreneurship and multilevel governance: a comparative study of European cross-border regions // *Environment and Planning C*. 2007. Vol. 25. Pp. 861–879.
57. Rodrik D., Subramanian A., Trebbi F. Institutions Rule: The Primacy of Institutions Over Geography and Integration in Economic Development // *Journal of Economic Growth*. 2004. Vol. 2. Issue 9. Pp. 131–165.
58. Sachs J.D. Institutions Don't Rule: Direct Effects of Geography on Per Capita Income // *NBER Working Paper*. No. 9490. 2003. 12 p.
59. Sachs J. D. Institutions Matter, but Not for Everything: The Role of Geography and Resource Endowments in Development Shouldn't be Underestimated // *Finance and Development*. 2003. Vol 40. No. 2. Pp. 38–41.
60. Sokoloff K., Engerman S. Institutions, Factor Endowments, and Paths of Development in the New World // *Journal of Economic Perspectives*. 2000. Vol. 14. No 3. Pp. 217–232.
61. Sousa J., Disdier A.-C. Is the Legal Framework Quality as a Trade Barrier. Evidence from Transition Countries: Hungarian, Romanian and Slovene Examples. HWWA. Discussion paper, 201. – Hamburg: Hamburg Institute of International Economics, 2002. 17 p.
62. Tullok G. The rent-seeking society. – Carmel : Liberty Fund Inc., 2005. 342 p. 1990. 318 s.